

КОНСЕРВАТИВНО-ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ В.Н. ТАТИЩЕВА В ОЦЕНКЕ ИСТОРИКОВ

До сих пор не прекращается спор об особенностях мировоззрения одного из выдающихся деятелей России XVIII столетия Василия Никитича Татищева. Он был человеком разносторонних дарований, талантов и способностей – историком, публицистом, горным инженером, членом ученой дружины Петра I. Его социально-политические взгляды могут быть с полным основанием определены как консервативно-либеральные. Консерватизм Татищева, как правильно заметил В.О. Ключевский, был политическим: «Политический консерватор: не касаясь основ существующего государственного порядка, изучает его происхождение и склад, замечает его недостатки и придумывает средства исправления без мысли о перестройке»¹. Причудливое сочетание идей консерватизма и либерализма было порождено сложной эпохой петровского времени. К противоречивым социально-политическим взглядам Татищева вполне подходит наблюдение Ключевского, что царь-реформатор надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно и через рабовладельческое дворянство хотел распространить в России европейскую культуру и просвещение. Василию Осиповичу Татищев был интересен вдвойне не только как первый собиратель материалов для полной истории России, но и как типичный образчик образованных русских людей петровской школы.

Политический консерватизм был связан со старомосковскими представлениями о незыблемости самодержавия. Новизной же, при обосновании неограниченного самодержавия, стало отсутствие ссылки на обязательный ранее теологический аргумент (власть царя дарована Богом), использование европейских теорий естественного права и общественного договора. Можно назвать еще несколько важных постулатов идеологии политического консерватизма Татищева: резкое неприятие бунтов и революций, происходящих, как он пишет, от необразованных и «подлых» людей; отстаивание сильной государственности и правительственной регламентации всех важнейших сфер жизни; обоснование необходимости сохранения крепостного права. Консерватизм проявлялся также в постоянном отстаивании государственного интереса. Так, в 1735 г. на Урале было открыто богатейшее месторождение железных руд в горе, позднее названной в честь Анны Иоанновны Благодать. Многие владельцы заводов предлагали Татищеву крупные взятки за возможность единоличной эксплуатации этих богатств, однако горный начальник не поддавался этим искушениям.

Можно сделать вывод, что в мировоззрении Татищева также присутствуют элементы либерализма. Традиционно либерализм определяется как буржуазная идеология, отстаивающая буржуазно-

парламентский строй, буржуазную демократию, различные свободы, прежде всего – вероисповедания и предпринимательства. Отвергая демократию как форму правления, неприемлемую для огромной страны, Татищев в одном из своих проектов 1730 г. обосновал необходимость привлечения дворянства к политической власти путем создания выборной палаты из 100 дворян. Либерализм Татищева проявлялся, в частности, в отстаивании свободы вероисповедания, равноправности различных вер и даже в атеизме. А.Г. Кузьмин отмечал, что в ряде записок Татищева содержалась критика церковных установлений. О житиях святых Татищев выразился так: «Басни правдою потемняют». Новгородский архиепископ Амвросий даже настоял на некоторых сокращениях в агиографических текстах, чтобы Татищев сведения их «не весьма порочил»².

Как либеральное можно оценивать и такие устремления Василия Никитича, как всемерное поощрение к распространению в России европейской культуры, науки и образования, к развитию предпринимательства. Он считал важным обеспечить равные условия для слабых и сильных заводчиков в доступе к необходимым запасам и установить единую цену при отпуске продукции с заводов. Поощряя предпринимательство, Татищев освобождал новые заводы на три года от десятины и других податей.

Либеральными можно считать попытки ввести на Урале зачатки социального законодательства. К моменту приезда Татищева на Урал заводчики творили произвол в отношении заводских работников, их жен и детей. Более четверти домен у Демидова не работало якобы потому, что платить зарплату рабочим было нечем. Промышленники препятствовали своим работникам жаловаться властям на чудовищные условия труда и низкие заработки. На рудниках и горных заводах использовался рабский труд детей. Владельцы заводов оправдывали использование детского труда всенародной пользой и угрожали остановкой предприятий, если шестилетних детей отправят учиться. С целью улучшения жизни рабочих и их семей горный начальник запретил заводчикам самовольно останавливать производство, обязал их платить зарплату рабочим за время простоя. Он также старался убедить родителей отправлять маленьких детей на учебу. Татищев настойчиво внедрял школы при казенных предприятиях.

Либеральным было отношение Татищева к беглым рекрутам и крепостным крестьянам. Василий Никитич стремился к удержанию скопившихся за Уралом беглых и рекрутов. А.Г. Кузьмин отмечает, что при нем «рекруты должны были оставаться здесь же для охраны заводов и тому подобных служб. Беглых же не возвращали прежним владельцам, а выкупали по 50 рублей за главу семьи. Тот, кто выкупал себя сам, становился лично свободным, а те, за кого выплачивала канцелярия, считались отныне собственностью завода»³.

Сторонники сохранения самобытного пути развития России – консерваторы обвиняли Татищева в ненависти к православной и национальной России, стремлении ограничить самодержавие, а либеральные мыслители видели в нем человека прогрессивного, опередившего свое время,

отстаивающего необходимость развития светского образования, науки, введения веротерпимости. По мнению консерватора В.Ф. Иванова, Татищев был последователем рационализма, непримиримым врагом старины и пламенным поборником прогресса. С реформами Петра I Василий Федорович связывал историю формирования интеллигенции: «Программа жизни и будущей деятельности интеллигенции была начертана в Петровскую эпоху. Эта программа сводилась к следующему: забвение, равнодушие или открытая ненависть к прошлому; взгляд на православие и борьба с ним, как силой реакционной и враждебной прогрессу; борьба за отделение церкви от государства, с церковным авторитетом, духовенством и монашеством, гонение православной церкви; национальное безразличие, рабское преклонение перед всем иностранным...; поход против самодержавия и его ограничение или свержение; взгляд на народ как на средство достижения своих целей; любовь не к отечеству, а к человечеству и стремление стать гражданами вселенной»⁴.

Не со всеми выводами Иванова применительно к Татищеву можно согласиться. Прежде всего, следует отметить, что Василий Никитич был патриотом. А.Л. Шапиро писал: «Борьбу с западными порицателями русской истории, которые утверждали, что Россия “историей древних не имела”, Татищев считал своей главной задачей. Но ему не было присуще пренебрежительно-враждебное отношение к истории других государств и к историкам других национальностей Татищев находил знание собственной истории для русских полезнее, чем знание иностранных историй. Однако, по его словам, “без знания иностранных своя не будет ясна и достаточна”»⁵.

Не мог Татищев с враждебностью и ненавистью относиться к прошлому. Более тридцати лет он работал над «Историей Российской». Василий Никитич с большой тщательностью подходил к изучению отечественной истории. А.Л. Шапиро отмечал, что Татищев старался расширить источниковую базу, активно использовал труды античных и средневековых историков и географов. Подходя рационалистически к историческим событиям, Василий Никитич высказывал взгляды, часто шедшие вразрез с позицией Православной церкви. Так, он проявлял большую осторожность, когда речь шла о выведении народов от библейских персонажей. Историк писал, что нельзя Москву выводить от имени библейского Мосоха, так как это не согласуется с древними историками. Легенду о происхождении русских государей от Августа Татищев называл басней. Татищевская концепция русской государственности, в отличие от взглядов историков XVI–XVII вв., не содержала аргументов теологических. Она «основывалась на утверждениях о преимуществах самодержавия по сравнению с аристократией и демократией, на доказательствах его благотворной исторической роли, на утверждениях, что только оно соответствует естественным нуждам русского народа, и прежде всего нуждам в спокойствии и могуществе государства»⁶.

Можно согласиться с утверждением Иванова, что Татищев враждебно относился к религиозным суевериям, застою, старому невежеству и всячески старался открыть в России двери европейскому просвещению. Враждебное

отношение к православному духовенству сложилось у Татищева под влиянием западных рационалистов. Разделяя протестантские взгляды, «Татищев обвиняет русское духовенство в том, что оно умышленно поддерживало народное невежество. “Нашествием татар, – говорит он, – как власть государей умалилась, тогда им для приобретения больших доходов и власти полезнее явился народ в темноте невежества и суеверия содержать, для того все учение в училищах и церквях пресекали и оставили”»⁷.

В «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищах» церковь обвинялась в том, что такие великие люди, как Коперник, Галилей и Ян Гус, много сделавшие для пользы науки, были невинно оклеветаны и преданы забвению по приказанию римских пап. Таким образом, не только православное, но и католическое духовенство было объектом критики Татищева. Петр Великий, критикуя тунейство и консервативность духовенства, тем не менее, не позволял Татищеву высмеивать Священное Писание. На церковь царь смотрел в высшей степени прагматически, исключительно как на школу воспитания нравственности. Е.В. Анисимов в этой связи отмечал: «Примечательным кажется и переданный И.И. Голиковым анекдот о том, как Петр побил палкой иронизировавшего над священным писанием Татищева, приговаривая при этом: “Я тебя научу, как должно почитать оное и не разрывать цепи, все в устройстве содержащей... не заводи вольнодумства, пагубного благоустройству”»⁸.

Либеральный историк П.Н. Милюков отмечал, что в ходе реформ Петра I русская критическая мысль получила возможность использовать богатый опыт европейской мысли: «Татищев... представил первую в России принципиальную защиту “светского жития”. Он совсем не отвергал и “жития духовного”, по крайней мере, открыто. Он только защищал право светского жития на совместное с ним существование. В этих пределах, однако, вопрос был поставлен ребром»⁹. Согласно Милюкову, Татищев был последовательным утилитаристом, считал «естественный закон» таким же «божественным законом». По усвоенной Татищевым теории, «естественный закон» человеческой природы состоит в том, что человек должен стремиться к самосохранению и собственному благополучию. Человек не должен отречься от своего счастья. Татищев подчеркивал важность получения знаний, так как знание представляет собой условие всякого разумного поступка. П.Н. Милюков считал прогрессивным мнение Татищева о необходимости введения в России полной веротерпимости. Татищев полагал, что наличие в государстве разных вер не наносит ему вреда, а скорее даже приносит пользу. Он старался сохранить веру, выбросив из нее суеверия, ведущие к жестокости. Положительный отклик вызывали у Милюкова и оценки, данные Татищевым религиозной реформе патриарха Никона. Татищев резко критиковал никониан, жестоко преследовавших старообрядцев, и восхвалял Петра, прекратившего бесполезные жестокости¹⁰.

Право на светскую жизнь, которое отстаивал Татищев, по мнению Милюкова, предполагало право свободного исследования и необходимость светской науки. До сих пор продолжается спор ученых по вопросу: хотел ли реально Татищев ограничить самодержавие, или нет? Милюков считал, что

проект Василия Никитича, предложенный в 1730 г., передавал решающую роль в принятии законов не простому дворянству, а генералитету. На практике проект Татищева привел к расширению дворянских привилегий. Протестуя против кондиций, разработанных Верховным тайным советом, в помощь неопытной в политических вопросах Анне Иоанновне Татищев предлагал создать двухпалатный выборный орган. Он призван был служить лучшей организации государственного управления (подготовка законов, решение экономических задач, обсуждение проблем войны и мира, решение вопроса о наследовании власти после смерти государя) и должен был состоять из двух палат: высшей – Сената (21 человек из дворян) и нижней – Совета, где заседают 100 человек, избранных по более широким нормам представительства.

По мнению И.А. Исаева и Н.М. Золотухиной, об ограничении самодержавной власти представительным органом Татищев высказывается довольно ясно. Особенно четко эта его позиция прослеживается в рассуждениях о процессе законодательства: «монарх выступает у него в роли верховного законодателя, но издаваемые им законы должны соответствовать естественному праву, справедливости и общей пользе. Соблюдение таких требований один человек не может полностью обеспечить, поэтому необходимо, сохранив за монархом формальное право на титул верховного законодателя, потребовать предварительного рассмотрения и одобрения каждого законопроекта различными ведомствами и выборными учреждениями. Роль монарха должна была заключаться в подписании готового законопроекта»¹¹.

В целом при выяснении противоречивых социально-политических взглядов В.Н. Татищева надо принимать во внимание как сложные перипетии его судьбы, так и цензурные условия того времени.

Примечания:

¹ Ключевский В.О. Непубликованные произведения. М., 1983. С. 127.

² Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1987. С. 213.

³ Там же. С. 231.

⁴ Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство: От Петра Первого до наших дней. М., 1998. С. 139.

⁵ Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 167–168.

⁶ Там же. С. 177–178.

⁷ Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство. С. 138.

⁸ Анисимов Е.В. Петр Великий: личность и реформы. СПб., 2009. С. 314

⁹ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 3. М., 1995. С. 212–213.

¹⁰ Там же. С. 215.

¹¹ Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России IX–XX вв. М., 1995. С. 177.